

Теория «Героев и толпы» Н.К. Михайловского: основные идеи

Д.С. ГОРБАТОВ

доктор психологических наук, профессор кафедры менеджмента массовых коммуникаций факультета прикладных коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета

В статье описывается содержание теории «героев и толпы», разработанной Н.К. Михайловским в 80–90-е гг. XIX в., уточняются ее принципиальные отличия от зарубежных теорий того времени, характеризуется влияние идей Н.К. Михайловского на российских исследователей. Специфика толпы как социального объединения, ее склонность к подражанию, изменения личности в толпе, социальные и психологические условия ее образования, гипнотическая модель коммуникации вожаков и ведомых — таковы некоторые вопросы, интересовавшие автора первой в мире социально-психологической теории толпы.

Ключевые слова: толпа, теории толпы, тенденция к подражанию, влияние на личность в толпе, социальные и психологические условия образования толпы.

Последние десятилетия XIX в. стали временем научного изучения феномена толпы. В теориях итальянского юриста С. Сигеле [14], французских исследователей Г. Тарда [17; 18], Г. Лебона [11] и их многочисленных последователей толпа рассматривалась не только в качестве специфического социального объединения, но и как особая психическая общность. Однако приоритет такого подхода по праву закреплен за отечественным публицистом, социологом, литературным критиком и общественным деятелем, одним из идеологов народнического движения Н.К. Михайловским (1842–1904). В 1882 г. в журнале «Отечественные записки» была опубликована его статья «Герои и толпа», посвященная описанию некоторых психологических предпосылок, механизмов и социальных закономерностей существования этого явления общественной жизни. К проблематике толпы Н.К. Михайловский неоднократно обращался и в последующих работах, вошедших во второй

том прижизненного собрания его сочинений [12].

Рассмотрим основное содержание данной теории, обращая внимание на те составляющие, которые, с одной стороны, оказали влияние на российскую социально-психологическую традицию изучения стихийных групп, а, с другой стороны, получили независимое подтверждение в трудах западноевропейских ученых того времени.

Уточняя используемую терминологию, Н.К. Михайловский отказался понимать под понятием «герой» уникальную личность, способную в силу неких неотъемлемых черт оказывать определяющее влияние на окружающих, современников или потомков. «Героем» для него является тот, кто осознанно или невольно демонстрирует непосредственный образец для общего подражания: «Это не первый любовник романа и не человек, совершающий великий подвиг. ... Наш герой просто первый “лома-

ет лед”, ...делает тот решительный шаг, которого трепетно ждет толпа, чтобы со стремительной силой броситься в ту или другую сторону. И не сам по себе для нас герой важен, а лишь ради вызываемого им массового движения» [12, с. 100].

Как указывал Н.К. Михайловский, в этом смысле «героями» равно могут считаться «пьяный зверь» Василий Андреев, первым нанесший удар архиерею Амвросию в разгар чумного бунта 1771 г.; Бланка Кастильская, демонстративно начавшая ломать дверь в монастырскую темницу, чтобы освободить крестьян; безвестный ротный командир, поднявший солдат в самоубийственную атаку; драгун из романа Л.Н. Толстого, с «искажившимся злобой лицом» опустивший тупой палаш на голову не им выбранной жертвы. Словом, «героем» может считаться любой человек, возглавивший толпу хотя бы на мгновение. При этом этический компонент, личные качества и мотивация инициатора совместных действий не принимаются за существенные. Он может быть негодяем или глупцом, подбивать других на хорошее или дурное, действовать из трусости, эгоизма или соображений высокой морали. Более важными представляются не личностные детерминанты, а функциональные проявления «героического» поведения. Подобная постановка вопроса позволила создателю первой социально-психологической теории толпы перейти от парадигмы субъективных трактовок «меры величия» в духе Т. Карлейля [10] сперва к постановке, а потом и к частичному разрешению задачи по выявлению «механики отношений между толпой и тем человеком, которого она признает великим» [12, с. 99].

За несколько лет до Г. Тарда, опубликовавшего знаменитые «Законы подражания» [16], автор анализируемой публикации выделил и описал, как принципиально значимую, склонность индивидов к копированию чьего-либо поведения. Интересно, что позже он упрекал французского социолога в чрезмерной генерализации феномена подражания до некоего трансцендентного принципа, охватывающего не только общественную жизнь, но и природу в целом. С точки зрения Н.К. Михайловского, нет оснований всерьез полагать, что «прививая себе оспу, мы подражаем Дженнеру, применяя паровую машину, подражаем Уатту, едзя в Америку, подражаем Колумбу» [12, с. 396]. Точно так же некорректно в контексте подражания упоминать колебательные движения атомов, законы наследственности и т.п. Однако при этом сам Н.К. Михайловский не удержался от рискованной даже по тем временам параллели между бессознательно повторяемыми людьми поведенческими паттернами и мимикрией насекомых, овцами и козами библейского Иакова, воспроизводившими в своем приплоде цвет пестрых сучьев, или случаями рождения изломанного или безрукого младенца женщинами, за несколько дней до этого (!) пережившими ужас при виде работы палача. Там же, где автор в качестве примеров подражания вел речь о повторяющихся преступлениях, серийных самоубийствах, эпидемиях нервных расстройств, массовых религиозных движениях и других явлениях собственно социальной сферы, его рассуждения и сейчас представляются вполне убедительными.

Отказываясь видеть в подражании (на манер Г. Тарда) определяющий фактор общественной жизни, Н.К. Михай-

ловский напоминал, что влияния лже-мессий на древних евреев, средневековые крестовые походы или экспансия арабских мусульман имели свои экономические, политические, нравственные и иные основания, игнорировать которые при анализе исторических событий недопустимо. В то же время и без процессов подражания, иной раз совершенно непреодолимой силы, дело, очевидно, не обходилось. Именно они «обращали людей в автоматы и заставляли их повторять все, что проделывал перед ними какой-нибудь “герой” в нашем условном смысле слова» [12, с. 132]. Однако как именно и при каких условиях это происходит, констатировал Н.К. Михайловский, остается невыясненным.

Отмечая своеобразную таинственность проявлений изучаемого феномена, Н.К. Михайловский писал, что иногда охваченный им человек подражает палачу, т.е. совершает убийство, а иногда — казненному преступнику, например, готовясь пострадать за политические убеждения. В тех же случаях, когда подражание толкает на самоубийство, дело подчас доходит до того, что акт расставания с жизнью происходит при той же обстановке, в том же месте, тем же самым орудием. И если удастся изменить, казалось бы, незначительные ситуативные факторы, то тенденция прерывается так же внезапно, как и начинается. Именно это произошло в 1772 г. в парижском доме инвалидов, когда в темном коридоре пробиты дополнительное окно и сняли крюк, на котором за короткое время до этого повесилось пятнадцать человек. Аналогично, стоило Наполеону I выпустить приказ, наполненный напыщенными фразами о воинской храбрости, и распорядиться сечь караулку, успешную

стать излюбленным местом для желающих застрелиться, как самоубийства сошли на нет.

Известно, что эффект подражания задолго до Н.К. Михайловского описывался многими историками, юристами, медиками, литераторами, непосредственными очевидцами событий. Несомненной заслугой российского исследователя является попытка сопоставить внушение и подражание, описав специфику психологической природы последнего, а также проанализировать условия готовности к копированию поведения в общественной жизни. В более широком смысле, вклад Н.К. Михайловского заключается в попытке преодоления раздробленности современного ему знания о социальности человека и, в частности, «человека толпы» посредством обращения к психологии как систематизирующей фундаментальной науке [2; 3].

«Ключом» к пониманию подражания для него стали описания гипнотических состояний, сделанные Ганzenом, Гейденгайном, Шнейдером и другими «магнетизерами», а также наблюдения д-ра Кашина за проявлениями «омеряченья», нервного расстройства, получившего в то время распространение в Якутии и Забайкальском крае. В обоих случаях имело место как «автоматическое повиновение» поступавшим приказаниям, так и «автоматическое подражание» действиям и словам (эхопраксия и эхолалия). Разница между этими двумя формами поведения, согласно Н.К. Михайловскому, заключена не более чем в степени подавленности сознания: «Повинующийся автомат способен воспринимать приказание, которое до сознания автомата подражающего не доходит» [12, с. 168]. Иначе говоря, непреодоли-

мой границы между податливостью словесному внушению и имитационностью действий не существует: одна форма может переходить в другую, и тот, кто ранее еще мог безвольно выполнять команды, в дальнейшем терял способность понимать сказанное и лишь повторял увиденное или услышанное.

Как следствие, подражание для него, во-первых, всегда выступает в качестве бессознательного, «мимовольного» процесса, отличаясь тем самым от преднамеренного заимствования элементов понравившегося поведения, во-вторых, имеет аналогичную гипнотической физиологическую основу, предполагающую совершение рефлекторных движений на фоне временного подавления активности коры мозга, в-третьих, возникает в результате тех же условий, которые обычно целенаправленно создаются в процессе гипнотизирования или сами по себе складываются в случае «омеряченья».

О каких условиях идет речь? Почему толпа нередко выступает как «податливая масса, готовая идти “за героем” куда бы то ни было и томительно и напряженно переминающаяся с ноги на ногу в ожидании его появления» [12, с. 146]?

Предпосылкой для эффективного гипнотического воздействия в самых разнообразных его формах — от «баласирования» лошадей до экспериментов с людьми — является, как отмечал Н.К. Михайловский, односторонняя концентрация сознания на слабых и равномерно повторяющихся раздражениях органов чувств: «Вульгарно выражаясь, можно сказать, что гипнотик... начинает жить однообразной жизнью и, очень быстро исчерпав самого себя, превращается в выведенное яйцо, которое собственного

содержания не имеет, а наполняется тем, что случайно вольется в него со стороны» [12, с. 159]. Но то же самое, утверждал он, происходит с человеком в условиях крайней скудости красок, звуков и форм, однообразия пищи, промыслов и интересов, вынужденной обособленности существования, характерных для регионов, где получило распространение болезненное «омеряченье». Немногим отличалась от этого и повседневная жизнь европейского средневековья, когда толпы, по Н.К. Михайловскому, только и ждали того, кто их захочет возглавить. Характерно это и для солдатской службы, где люди вынуждены постоянно иметь дело с несложной комбинацией зрительных, слуховых, осязательных впечатлений, повторяя доведенные до автоматизма реакции. Не случайно военные, «гипнотизируемые самой жизнью», отличаются склонностью к повиновению. И подчас им не достает только примера для того, чтобы склонность к массовому подражанию проявила себя во всей полноте.

Далее, он признавал, что специфичный характер примера такого рода вполне может сыграть свою роль и в случае, когда условие повторяющегося однообразия впечатлений в полной мере не соблюдено. Для этого инициатор совместных действий должен обладать качеством, которое Н.К. Михайловский в работе «Еще о героях» (1891) обозначил как «обаяние». Оно может быть присуще как личности исторического масштаба, проявляясь во множестве ситуаций не только при жизни, но даже после смерти, так и совершенно заурядному человеку, единожды выделившемуся из окружающих в силу обстоятельств чуть ли не случайного свойства. Секрет такого «обаяния»

заклучен в «резком, энергическом» действии [12]. В качестве примера стоит сослаться на приведенную автором зарисовку из романа «Война и мир», в которой целовальник, противодействуя фабричным рабочим, скопом бросившимся его вязать, сорвал с себя шапку и бросил ее на землю так, что те в нерешительности остановились, «как будто действие это имело какое-то таинственно угрожающее значение» [19, с. 349].

Таким образом, констатировал Н.К. Михайловский, «кто хочет властвовать над людьми, заставить их подражать или повиноваться, тот должен поступать, как поступает магнетизер, делающий гипнотический опыт. Он должен произвести моментально столь сильное впечатление на людей, чтобы оно ими овладело всецело и, следовательно, на время задавило все остальные ощущения и впечатления, чем и достигается односторонняя концентрация сознания; или же он должен поставить этих людей в условия постоянных однообразных впечатлений. И в том, и в другом случае он может делать чуть не чудеса, заставляя плясать под свою дудку массу народа и вовсе не прибегая для этого к помощи грубой физической силы» [12, с. 189].

Заметим, что использование понятия «обаяние» в качестве ключевой черты объекта подражания встречается и у других авторов классических теорий толпы — С. Сигеле [14], Г. Тарда [17], Г. Лебона [11], что может быть объяснено влиянием предшествующих работ, посвященных так называемой «нравственной заразе» («contagion morale»). Не новым было и применение эпитета «энергический». Так, например, его можно найти в «Этюдах» В.Х. Кандинского

[9, с. 186] по отношению именно к вожаку толпы. Дело в другом: отдельные меткие наблюдения и обобщения, рассыпанные в трудах по психиатрии, гипнологии, истории и криминалистике, благодаря усилиям Н.К. Михайловского приобрели известную четкость и последовательность. В частности, весьма востребованным и перспективным оказалось пространство на толпу гипнотической модели коммуникации.

По тому же пути чуть позже пошли и упоминавшиеся выше авторы западноевропейских теорий. В отличие от них Н.К. Михайловский не был сосредоточен на описании разновидностей данного социального объединения или характеристике когнитивных аспектов его функционирования, избегал он и рассуждений о мере вменяемости и степени ответственности за преступления, импульсивно совершенные совокупностью собравшихся. В то же время ему удалось избежать ряда серьезных методологических ошибок, характерных для первых зарубежных исследователей толпы.

Так, например, Н.К. Михайловский был далек от распространенной тенденции именовать толпой различные социальные объединения только на том основании, что в коллегии присяжных, парламенте или комиссии «психическая общность» подчас начинает доминировать над индивидуальными различиями, сказываясь на качестве принимаемых решений. В работе «Еще о толпе» (1893) он писал, что в собраниях такого рода имеет место обмен мыслей в состоянии сознания бодрствующего [12]. И если кому-то из ораторов удастся, как иногда бывает, увлечь остальных не логикой и аргументами, а эмоциональной образностью речи, то этого еще не достаточно

для того, чтобы говорить о начале формирования толпы.

В рамках заочной полемики с Г. Тардом [18] по вопросу о значимости процессов подражания отечественный ученый обоснованно утверждал, что данный феномен существует не в «безвоздушном пространстве», но, напротив, на фоне индивидуальных мотивов выгоды, нравственной обязанности, тщеславия, соревновательности, страха наказания и т.п. Таким образом, помимо эффекта подражания, на образование и действия толпы оказывает влияние целый комплекс не только социальных, но и психологических факторов, нуждающихся в особом изучении. Потому объяснять все кровавые эксцессы, скажем, бунтов военных поселян, холерных беспорядков или еврейских погромов распространением психической заразы совершенно недостаточно.

Возражал он и против попыток представить толпу как априори «преступную», характерных для Г. Тарда [17] и, отчасти, С. Сигеле [14]. Согласно Н.К. Михайловскому, пример, вызывающий общее подражание, должен, прежде всего, быть «энергическим». Его просоциальность или, напротив, асоциальность к числу определяющих характеристик не относятся. Соответственно, под влиянием того или иного примера толпа становится переменчивой, бездумно действующей, чрезмерно поглощенной чем-то одним в ущерб остальному, но отнюдь не всегда преступной.

Надо заметить, что в отечественной традиции изучения стихийных объединений научный авторитет Н.К. Михайловского никогда не ставился под сомнение. Высказанные им идеи развивали известный психиатр и невропатолог

В.М. Бехтерев [4], видный правовед В.К. Случевский [15], военный юрист Д.Д. Безсонов [1], офицеры генерального штаба Н.Н. Головин [7] и А.С. Резанов [13], медик и литературный критик Л.Н. Войтоловский [5; 6] и многие другие.

Однако после публикации серии работ западноевропейских исследователей этой проблематики [11; 14; 18 и др.] заданная Н.К. Михайловским парадигма противопоставления «героев» в традиционном и функциональном значении потеряла смысл. В дальнейшем толпа стала изучаться исключительно с позиций взаимоотношений ведомых и вожаков, т.е. вне контекста сравнения последних с собственно историческими личностями.

Понятие подражания получило свою конкретизацию и позже стало рассматриваться как особая категория социального воздействия, противопоставленная внушению. При этом в качестве различительного критерия применялась не степень помрачения сознания, как у Н.К. Михайловского, но специфика «продукта» коммуникации. А именно: внушение стали связывать с влиянием не критически усвоенной информации, тогда как подражание было ограничено сферой копируемых элементов или целостных образцов демонстрируемого кем-то поведения.

Что касается видов влияния личности на толпу, то этот перечень неоднократно дополнялся. К примеру, В.М. Бехтерев [4], помимо внушения и подражания, счел возможным выделить словесное убеждение и «взаимную индукцию», под которой подразумевалась передача мысленных образов телепатически, без помощи сигналов, доступных

для восприятия органами чувств. Л.Н. Войтоловский [5; 6] особое внимание уделил феномену эмоционального заражения, циркулирующему в толпе наряду с внушением и подражанием. Так или иначе, гипнотическая модель коммуникации постепенно перестала служить единственным объяснением происходящих в толпе процессов.

Особо следует отметить кардинальное изменение, внесенное в характеристику взаимоотношений «героев» и толпы Л.Н. Войтоловским. Согласно мнению данного исследователя, дело обстоит совершенно иначе, чем это описал Н.К. Михайловский: не вожаки направляют толпу, но она, способная повиноваться лишь голосу собственных эмоций, выступает в качестве подлинного «героя», тогда как вожак — лишь запеваля песни, которая сочиняется всей совокупностью собравшихся: «он полон гнева, когда она негодует, он проливает слезы, когда ей хочется плакать» [5, с. 82]. Каждый такой «герой» — не более чем этап в развитии чувств и мыслей толпы, которая его запросто создает и легко низвергает.

Так, ссылаясь на воспоминания петербургских рабочих о «кровавом воскресеньи» 9 января 1905 г., Л.Н. Войтоловский [6] писал, что не Г. Гапон оказал фанатическое влияние на массы в силу ораторского пафоса или природного обаяния, а массы фанатизировали слабого и недалекого человека, подчинили своей воле, окружили авторитетом, найдя в нем наилучшее выражение собственных стремлений. С учетом того, что данный тезис вполне правомерно может быть рассмотрен не только в качестве альтер-

нативы, но и как перспективное дополнение идей Н.К. Михайловского, остается сожалеть, что упомянутая теория не получила дальнейшего развития, оставшись последней в коротком ряду теорий толпы советского периода.

Подводя итоги, заметим, что теория «героев и толпы», разрабатывавшаяся в 80–90-е гг. XIX в., выполнила свое предназначение. Благодаря ей общественные и государственные деятели, правоведы и военные, революционеры и служители правопорядка, а также самые широкие слои образованного российского общества того времени получили возможность осмыслить происходящие на их глазах социальные изменения и, тем самым, подготовиться к предстоящим. Кроме того, нельзя не признать, что принципиально важная часть теории отечественного исследователя сохранила свое значение вплоть до настоящего времени. Во всяком случае, нет сомнений в том, что процессы бессознательного подражания играют существенную роль в стихийной группе, а инспирируемые ими проявления конформности, подчинения авторитету и деперсонализации поведения могут принимать чрезвычайную выраженность. По-своему прав был Н.К. Михайловский, когда писал: «одинокий человек и человек в толпе — это два совсем разных существа. До такой степени разных, что, зная человека, как свои пять пальцев, вы, на основании этого только знания, никаким образом не можете предсказать образ действия того же человека, когда он окажется под влиянием резкого, энергического примера» [12, с. 106–107].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Безсонов Д.Д.* Массовые преступления в общем и военно-уголовном праве. Диссертация. СПб., 1907.
2. *Белинская Е.П.* Концепция «героев и толпы» Н.К. Михайловского и «психология масс» Г. Лебона: переключки идей // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2010. № 3.
3. *Белинская Е.П.* У истоков социальной психологии: сравнительный анализ «психологии масс» Г. Лебона и концепции «героев и толпы» Н.К. Михайловского // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2012. № 1.
4. *Бехтерев В.М.* Коллективная рефлексология. Пг., 1921.
5. *Войтоловский Л.* Очерки коллективной психологии: в 2 ч. Ч. 1. Психология масс. М.; Л., 1925.
6. *Войтоловский Л.* Очерки коллективной психологии: в 2 ч. Ч. 2. Психология общественных движений. М.; Л., 1925.
7. *Головин Н.Н.* Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца. СПб., 1907.
8. *Горбатов Д.С.* Теория толпы Л.Н. Войтоловского: ключевые идеи // Социальная психология и общество. 2014. № 2.
9. *Кандинский В.* Общепонятные психологические этюды. М., 1881.
10. *Карлейль Т.* Герои и героическое в истории. СПб., 1891.
11. *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1896.
12. *Михайловский Н.К.* Сочинения: в 6 т. СПб., 1896. Т. 2.
13. *Резанов А.С.* Армия и толпа. Опыт военной психологии. Варшава, 1910.
14. *Сигеле С.* Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. СПб., 1893.
15. *Случевский В.К.* Толпа и ее психология // Книжки недели. 1893. № 4.
16. *Тард Ж.* Законы подражания. СПб., 1892.
17. *Тард Г.* Общественное мнение и толпа. М., 1902.
18. *Тард Г.* Преступления толпы. Казань, 1893.
19. *Толстой Л.Н.* Война и мир // Собр. соч.: в 22 т. М., 1980. Т. 6.

"Heroes and Crowd": The Theory of N.K. Mikhaylovsky

D.S. GORBATOV

*Doctor in Psychology, professor at the Department of Management
in Mass Communications, Faculty of Applied Communications,
Saint Petersburg State University*

The article describes the theory of "heroes and crowd" proposed by the prominent writer and scientist N.K. Mikhailovsky in the 1880s—1890s. It highlights its principal differences from the foreign theories of that time and focuses on the impact of Mikhailovsky's ideas on Russian researchers. The specifics of the crowd as a social formation, its tendency to imitate, social and psychological conditions of the crowd formation, the effects of the crowd on an individual, hypnotic communication between leaders and subordinates — all these were among the issues that were of much interest to the author of the very first social psychological theory of crowd.

Keyword: crowd, theories of crowd, tendency to imitate, effect of the crowd on individuals, social and psychological conditions of crowd formation.

REFERENCES

1. *Bezsonov D.D.* Massovye prestupleniya v obshem i voenno-ugolovnom prave. Dissertatsiya. SPb., 1907.
2. *Belinskaya E.P.* Konceptsiya "geroev i tolpy" N.K. Mihailovskogo i "psihologiya mass" G. Lebona: pereklichka idei // *Sovremennaya social'naya psihologiya: teoreticheskie podhody i prikladnye issledovaniya.* 2010. № 3.
3. *Belinskaya E.P.* U istokov social'noi psihologii: sravnitel'nyi analiz "psihologii mass" G. Lebona i koncepcii "geroev itolpy" N.K. Mihailovskogo // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya.* 2012. № 1.
4. *Behterev V.M.* Kollektivnaya refleksologiya. Pg., 1921.
5. *Voitolovskii L.* Ocherki kollektivnoi psihologii. Ch. 1. Psihologiya mass. M.-L., 1925.
6. *Voitolovskii L.* Ocherki kollektivnoi psihologii. Ch. 2. Psihologiya obshestvennykh dvizhenii. M.-L., 1925.
7. *Golovin N.N.* Issledovanie boya. Issledovanie deyatel'nosti i svoystv cheloveka kak boica. SPb., 1907.
8. *Gorbatov D.S.* Teoriya tolpy L.N. Voitlovskogo: klyuchevye idei // *Social'naya psihologiya i obshestvo.* 2014. № 2.
9. *Kandinskii V.* Obsheponyatnye psihologicheskie etyudy. M., 1881.
10. *Karleil' T.* Geroi i geroicheskoe v istorii. SPb., 1891.
11. *Lebon G.* Psihologiya narodov i mass. SPb., 1896.
12. *Mihailovskii N.K.* Sochineniya: v 6 t. SPb., 1896. T. 2.
13. *Rezanov A.S.* Armiya i tolpa. Opyt voennoi psihologii. Varshava, 1910.
14. *Sigele S.* Prestupnaya tolpa. Opyt kollektivnoi psihologii. SPb., 1893.
15. *Sluchevskii V.K.* Tolpa i ee psihologiya // *Knizhki nedeli.* 1893. № 4.
16. *Tard Zh.* Zakony podrazhaniya. SPb., 1892.
17. *Tard G.* Obshestvennoe mnenie i tolpa. M., 1902.
18. *Tard G.* Prestupleniya tolpy. Kazan', 1893.
19. *Tolstoy L.N.* Voina i mir // *Sobr. soch. v 22-h t.* M., 1980. T. 6.